

Эвтушенко Эвг.

11/11/89

Невоспитанность

Соб. культура. - 1989. - Март. - С. 6

Сегодняшнее время — это время пробуждения гражданской активности народных масс, время постепенного освобождения гигантских нравственных ресурсов нашего общества, еще недавно подернутых зацвелой трясиной застоя. Однако инерция застоя сказывается еще во многих аспектах нашей жизни, и чтобы идти вперед, нам надо еще больше решительно выдергивать ноги из еще вцепляющейся в нее трясиной чавкающей массы. Этой задаче и посвящена моя статья, над которой я долго работал, вкладывая в нее самые разные наблюдения и «сердца горестные заметы». Надеюсь, что она поможет в разрешении рабочих задач перестройки, одна из которых — это реформа воспитания.

1. СТРАНА НАЧИНАЕТСЯ С АЭРОПОРТА

Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки.

Страна начинается с аэропорта. Иногда — даже с борта самолета.

В прошлом году я возвращался на нашем самолете из Таиланда. Моим соседом был профсоюзный деятель — таец, выточенный из вежливости, как статуэтка из слоновой кости. Он первым делом стал искать наушники и переключатель звуковых программ, обычно помещаемый в подлокотники на всех авиалиниях мира, за исключением нашего «Аэрофлота». В иностранных самолетах, как правило, бывает пять программ: симфоническая, оперная, джазовая, каунтри и рок, а при длительных рейсах — видеofilm. Словом, уж если загнивать, так с музыкой...

Когда таец с жалобной вежливостью спросил стюардессу «Where is music?», та гордо включила централизованную, как во всех наших поездах, радиосеть, и во всех салонах аэробуса во все динамики оглушительно гряну-

ло: «Ну почему, почему, почему был светфор зеленый...» Лишь после того, как индуска со спящим ребенком на руках взмолилась, «светофор» вырубил. Заодно вырубил и свет — и тоже сразу во всех салонах. Сосед, который что-то трудолюбиво считал на мини-компьютере, напрасно пытался нашарить лампочку в потолке. «Индивидуальное освещение в проекте этого самолета не предусмотрено...», — с непонятной патриотической гордостью объяснила стюардесса. Таец выкрутился: он достал из «дипломата» мини-фонарик и направил его на клавиши компьютера.

Стоянка в аэропорту Дели была, как визит на красочную ярмарку. Несмотря на полуночное время, сувенирная галерея была открыта, и радушные, но и не слишком приставучие продавцы зазывали в свои магазинчики. Чего только здесь не было — и деревянные, и бронзовые Будды, и материи, похожие на крылья жар-птицы, и видеомагнитофоны, и видов пятьдесят индийского чая...

Когда через несколько часов мы приземлились в Ташкенте, картина в аэропорту была иная. Там было закрыто все, что должно было быть открыто. Вхождение в зону закрыто-

сти мы почувствовали еще в воздухе — стоило только пересечь границу. Была ночь, но сквозь сине-серебряное марево внизу, как что-то рассыпавшееся ожерелье, мерцали редкие огни кишлаков. Мой таец, несмотря на привычки бизнесмена, видимо, человек с чувством красоты, немедленно вытащил из футляра свою «Минолту», чтобы сфотографировать фосфоресцирующее чудо ночи. Но бдительная рука стюардессы перекрыла объектив. «Съемки над территорией Советского Союза запрещены...», — сказала она жестко и беспрекословно. Таец торопливо стал закрывать «Минолту» в футляр. А ведь запрещение фотографировать с борта смехотворно, ибо давным-давно даже номера автомашин можно разглядеть в особую оптику со спутников. Все старание бюрократии «втереть очки» иностранцам бессмысленно, ибо их с первого шага в нашей стране устранили туполобым запретительством, отворачивают низким уровнем отношения к человеку. Мой таец затравленно съежился, когда пограничник, встречавший нас на трапе в транзитном таджикском порту, так мрачно, просверливающее взглянул на гостя, как будто у него под зубной пломбой был спрятан секретный план оросительной системы Узбекистана. Пассажиры, испуганно прижавшись друг к другу, двигались в чреве Ташкентского аэропорта по так называемой лестнице-чудеснице, которая скрежетала зубами, как старая ведьма. Всюду были груды мусора. Тайцы, которым с детства вбивали в голову, что советские люди — это роботы, напичканные пропагандой и пичкающие ею других, вжав головы в плечи, шли мимо одинаковых плакатов с Лениным, которых я насчитал двадцать штук. На ободранных стенах также были развешаны самопрославительные рекламы «Аэрофлота»: «Советская авиация несет на своих крыльях мир и дружбу, способствует развитию политических, экономических и культурных связей государств с различным социальным строем...» Ресторан и бар были закрыты. Никакого сувенирного киоска не было. На стендах была выставлена сплошная примитивная пропагандистская литература, при виде которой тайцы еще более почесывали втянутые головы в плечи. Выставка

(Окончание на 6-й стр.).

НЕВОСПИТАНОСТЬ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

блещет фотографией «Привилегированный класс советского общества» с тошнотворной неубедительностью пытался показать аристократическую жизнь советского пролетариата.

Мой таяк, сходя в туалет, робко шепнул мне: «Мне кажется, следует сообщить администрации, что туалетная бумага кончилась...» Навяный — она там и не начиналась. Когда я сказал об этом соинной уборщице, та неопределенно кивнула, исчезла, а вскоре проществовала в туалет с охапкой матых газет, полных призывов к перестройке. Наконец появилась такая же сонная официантка, толкая перед собой столик на колесиках со стаканами, до половины полным какой-то подозрительной жидкостью чайного цвета. На вопрос: «Что это?» она ответила кратко, хотя и загадочно: «Напиток». Дети третьего мира, тайцы, почти не притрагивались к этому напитку — в их так называемой «отсталой стране» подавая напитки в открытом виде считается элементарно негигиеничным, точно так же, как в их отсталой стране я никогда не видел в уборных газет вместо туалетной бумаги. Когда мы снова шли к самолету, мой сосед, считая себя уже достаточно проверенным, пытался пройти контроль вместе со своим «дипломатом». Но не тут-то было. Мощные ручки представительницы «Аэрофлота» больше похожи на передостоего женщины, набавко вышибают, грубо вываливая в него «дипломат» для осмотра. Когда таяк что-то пробовал объяснить по-английски, его так же грубо толкнули в спину: «Проехали, проходи в накопитель...» Лопочут новость чего-тоиди их лоими... Выключи бы сперва наш язык, а потом бы уж к нам и ехали...» Бедняга смертельно перепугался тому, что у него отнимут «дипломат», а когда отдали, уже совсем по-нашему, по-советски, с благодарной униженной затряпанностью обрадовался. Представительница «Аэрофлота» даже в голову не пришло, что работая в международном аэропорту, это она должна была выучить хотя бы один иностранный язык. Не пришло ей в голову, что «накопитель» — это слово из лагерного лексикона... А вы не задумывались о том, сколько лагерного в нашей ежедневной «вольной» жизни — всевозможных накопителей, отстойников очереди то за тем, то за этим, как за лагерной баландой, насильственных спойаний в кучу, унизительных шмонов — физических и духовных, паханства и шестерничества, видимых и невидимых колыхающих проволоч...

Когда я укоризненно сказал представительнице «Аэрофлота»: «Почему вы себя так грубо ведете?», она возмущенно вспыхнула: «То есть как это грубо? А я что — на брюхе перед ними должна ползать?»

Есть категория людей, которые безвестность считают унижением, а грубость — сохранением личного достоинства. Такое у них воспитание — невоспитанное воспитание. Поэтому даже в глазах гостей из «слаборазвитой страны» мы выглядим, как страна слабообразованной вежливости. Но, может быть, то, что случилось в Ташкентском аэропорту, не могло случиться в столицах? Вот Шереметьево-2 — главные воздушные ворота в страну. Не бросалось ли вам в глаза, что в фойе не на что присесть? Вероятнее всего потому, чтобы на скамьях не спали, как где-нибудь на Казанском вокзале, не портили бы светлого впечатления от СССР. Но ведь спят. Прямо на мраморном полу. Вывалку, в случае неслетной погоды. Летняя погода не есть нечто советское явление. Но спят на полу почему-то только у нас. Гостиничных мест при аэропорте в несколько раз меньше, чем нужно. «Ничего, переберются...» — говорят здесь со злорадной усмешкой про иностранцев. Но иностранцам перебраться приходится лишь временно, а вот мы перебиваемся всю жизнь. А кто нам такую жизнь устроил — иностранцы, что ли? Мы сами. Наша грубость к иностранцам происходит от грубости друг к другу. Эта грубость разоблачительно прет, начиная с аэропорта.

Самолет приземляется в Шереметьево. Трап приходится ждать иногда по полчаса. Когда трап появляется, приходится ждать автобуса. На трапе — обязательный поручник, дюймовик того самого, который так напугал моего таяка в Ташкенте. Этот поручник никого и ничего не проверяет — он с бессмысленной бдительностью вглядывается в лица. Затем перед нами несколько застенчивых буюков, где сидят пограничники, проверяющие паспорта. Обычно большинство буюков пусто, и пассажиры скапливаются у одной или двух, немедленно создавая очереди. Молодежь пограничники в будках может быть, совсем неплохие парни, напускают на себя угрюмую недоброжелательность, иногда требуют, чтобы пассажиры сняли шапки, неизвестно почему задают вопросы, на которые уже отвечено во всездных анкетах. Ни разу я не слышал, чтобы кто-нибудь из этих стражей государственных границ сказал: «Добро пожаловать», «С возвращением!» или хотя бы по-человечески улыбнулся. Запрашивают это им, что ли? А ведь лицо пограничника — это тоже лицо страны.

Пограничник нехотя возвращает вам паспорт, и вы входите в зал выдачи багажа. Спокойно присаживаясь на неподвижный конвейер — вам придется подождать как минимум час. Когда наконец конвейер начнет двигаться, не обращайте внимания на табло — банюкские чемоданы могут оказаться на ленте мнимореальнее, рейса или наоборот. Носильщиков раз в десять меньше, чем нужно. Значит, должны в быть тележки? Слипком многого вы захотели от «Аэрофлота», занятого тем, что на олимпиаду чуть со стыда не сорвет, видя, как делегация канадских старухек, надравшаяся, волокла чемоданы. Слава богу, рядом оказалась наша моряки, возвращавшиеся из Сингапура. Мы вместе помогли бабushкам. Во всех цивилизованных аэропортах два выхода — для тех, кому есть что декларировать, и для тех, кто считает, что ему декларировать нечего. Профессионализм таможенников и заключается в том, что багаж они проверяют лишь выборочно, полагаясь на информацию или интуицию. У нас таможенники проверяют почти всех чомом, за исключением членов делегаций, да и то не всегда. В результате иностранцы уже в аэропорту проходят первичную адаптацию к лицемерию наших отечественных очередей, а возвращающиеся советские граждане проходят расадаптацию от отсутствия оных в кастранах. Таможенные правила поражают своей нелогичностью, придирчивой мелочностью, а иногда и просто глупостью. Для завершения перевода на английский мой позы «Фук» ко мне на неделю прилегла переводчица из США — Нина Бунс. Таможенники из США у нее оторвали перевод, сказав, что для проверки (I — E. E.) им нужна неделя. Но через неделю моя переводчица уже улетела. Кафканская ситуация! И это случается уже не в годы застоя, а сейчас, в эпоху перестройки. Совсем недавно у моего соседа — финна — в поезде Москва — Хельсинки таможенники конфисковали журнал «Тайм», в самом благожелательном духе посвященный Горбачеву. Во всех экономических разумах государствах налог платят только за ввоз того, что можно купить в стране, куда вы въезжаете, чтобы не подбавлять коммерции. У нас все наоборот — вы платите налог за то, чего у нас нет. На первый взгляд это борьба со спекуляцией. На самом

деле это игра на повышении цен спекуляции. Почему существует налог на видео- и аудиокассеты, которых днем с огнем не найдешь в наших магазинах? Почему есть налог на ввоз компьютеров, если глава государства призывает к компьютеризации, а собственные компьютеры ни к чему не годятся? Почему запрещено ввозить «серверы» для личного пользования? Это сохранившийся со времен застоя животный страх перед «нелегальной» работой. Между тем личный «сервер» ускоряет работу любого писателя, журналиста, ученого чуть ли не втрое. Таможенный кондуктор, который однажды мне еле-еле удалось задержать в руки после настоятельных требований, — это фильм в чьем сам таможенник зачастую не повинуны. Еще года два тому назад я видел оскорбленного плакующую в аэропорту знаменитую артистку, летевшую на международный кинофестиваль. У нее чуть ли не из ушей вывалились сербы — не положено. Сейчас драконский запрет на ввоз личных украшений отменили, но кто знает, какие новые унижения выдумают завтра?

Пребывание пассажира в аэропорту Шереметьево длится часа три с половиной после прилета — примерно столько же, сколько полет Лондон — Москва. Три с половиной часа унижения тянущую, неразбериху. Последний раз я увидел моего таяка, кое-как выходящего по перерыве чинными руками рубашки, ноги обратно в чемодан. В глазах у него была печаль покорности и нечто новое — привычка к унижению...

2. ОТ ЦАРИЗМА — ДО ЦЕРБЕРИЗМА

При всех неприятностях иностранцев у нас лично привилегированное, Забавно и горько, что этой привилегированностью объединены две категории: депутаты и иностранцы. Как будто все депутаты — иностранцы, а все иностранцы — депутаты. Иначе чем объяснить отдельные комнаты отдыха, отдельные билетные кассы, отдельные буфеты в аэропортах для депутатов и иностранцев? Но советские депутаты привилегии кончатся перед мировой валютной вышибалой, монументально застылого чачеку перед деревью, за которой наш рубль уже недействителен. Наш рубль можно принимать в общество «Память», ибо он настолько ультрапатриот, что врагам не продается. Ядовито насмешлив парадокс, когда на привартованном тепломехе, носящем имя великого русского поэта «Александр Блок», — валютный ресторан, куда русские люди с их рублями не допускаются. Впрочем, покладный набор «Снаizzi Пушкина» уже тоже давным-давно продается только в магазине «Березка». А можно ли представить наладив на дверях французского ресторана «Обслуживание иностранных делегаций»? Или — американский магазин «Секвойя», где все продают только на рубли, а не на доллары? Отношение к иностранцам у нас издавна состоит из двух крайностей: из шипономании и из валютотомии... Недавно мне позвонила моя соседка — народная артистка СССР и срывающаяся от волнения голосом сообщившая, что всех нас жильцов дома 2/1 по Кутузовскому проспекту, собираются выселить из квартиры, потому что они решили продать за валюту, под представительства иностранных фирм. Представитель мемориальной лозуки в честь теньяного исполнителя главной роли во всемирно прославленном революционном фильме «Чапаев» рядом с выселением какой-нибудь прохиндейской финишники «Кунцисмаслом импорту» По легенде, один из французских королей никак не мог выселить своего собственного буючоника. После решительного протеста жильцов Моссовет вынужден был пойти на попятный, но разве не унизительна была сама идея выселения во имя валютной наживы соотечественников, которые все стерпят?

Почему вместе с призывами к правому государству нас то и дело унижают, преподая нам на нашей собственной шкуре издевательские уроки бесправности?

Россия была последней европейской страной, отменившей крепостное право. Социализм начал строить по схеме крепостничества. Национальная коллективизация — экономическая троекворщина. Надругательство над лучшими умами России — троекворщина идеологическая. Крепостничество породило надсмотрщицкий слой — церберов. Цепи царизма распались, но, к сожалению, вместе с цепями, на которых сидели церберы. Сталь цербером — заманчивая перспектива для любого самого беспороднейшего пса, который согласен за кость, кинутую ему, кусать любого, на кого науськают, а если надо — и придушить. Церберы дореволюционной формации управлялись страхом друг друга при пирамидальной структуре церберской иерархии. Не только Берия был сталинским цербером, но и Сталин был цербером, зависевшим от других церберов. При церберизме, состоявшем из выживших дворян, медали давали именно за беспородность. Времена кровавого церберизма прошли. Но церберы оказались живучими. Беспородность не вымирает. Беспородность переходит в беспородность. Не случайно «Бесы» Достоевского становятся все более и более актуальной кинол.

Иммунитет от церберизма — это воспитание нравственностью, культурой. Но церберы, как псы-людоеды, пожарили именно носителей нравственности и культуры, как иммуноносителей. Невоспитанность нашего воспитания — это питательная среда для церберизма. Мы все страдаем от ежедневного взаимного дня, ежедневных бытовых взаимоотношений. Существует хотя бы один советский гражданин, ни разу не папунтуй ни одним цербером?

Дежурные на этажах — метафора церберовского общества. Много лет назад я был свидетелем того, как во время гастролей Рихтера в Иркутске его личные вещи выбросили из «люка». «Кекой там Рихтер!» — билавал безграмотный директор гостиницы — Назарий «Братскгострой». Наймушка не забыл в гостиницу Думбадзе не пустили ночевать в гостиницу «Москва», когда он забрал шпакляка на другой. В наших гостиницах царит напряженная атмосфера лагерной зоны, где у дверей стоят церберы с золотыми галунками и с вертухайским прошлым. Однажды, придя с одним бывшим лагерником в московский «Националь», я стал ошеломленным свидетелем его почти телом встречи с бывшим майором-охранником, ныне перешедшим в более высокооплачиваемый ранг — ресторанаго гардеробника. Непримирное «непущательство» этих ландскнехтов «Интуриста» на самом деле лица, ибо все рестораны и бары набиты проститутками, фаршированными, торговою мафией. Привилегия непущательства одновременно превращается в весьма доходную привилегию выборочного пушательства. Самая процветающая в нашей стране республика — это «ресторанная Швейцария».

Как швейцары наших государственных границ, ведут себя некоторые работники ОВИРА, изображая из себя таинственную неприступность, под которой порой скрывается стремление ханпунуть взятку за смягчение патристической бдительности. А разве не так же себя

ведут идеологические непущатели, по-церберски бля, чтобы не просочились «не те» люди, книги, идеи, изобретения? Внешне это полицейское охранительство выглядит, как ритуальный фанатизм, но за дверьми охраняемыми плечами этих идеологических вышибал, такой же бардак, как в интуристовских отелях.

Существует надворный церберизм. Иногда он носит национальный характер, прикрываемый болтовней об интернационализме. Году в шестьдесят третьем считавшийся прогрессивным редактор одного журнала, интернационалист-профессионал, так ответил на мою просьбу взять в штат выпускницу Литинститута — еврейку: «Старик, нас и без того заели эти жуеуды-антисемиты...» Поимы, у нас в редакции превышена процентовка...» «Какая процентовка?» — изумился я. — Разве есть инструкция о процентном количестве евреев? «Такой инструкции, конечно, нет, но... Но все-таки она есть...» «А где же она написана?» «В воздухе, старичок, в воздухе...» — торопливо сказал редактор, спеша на заседание Советского комитета защиты мира.

Главный принцип надворного церберизма — в непущательстве так называемых «неуправляемых людей» и в выборочном пушательстве «управляемых» — то есть послушно извивающихся вместе с генеральной линией. Именно эти «управляемые» и доуправляли нашу страну почти до пропасти — нравственной и экономической. Церберская паника охватила сейчас некоторые районы, райспоккомы, избиркомы при выдвижении «управляемых» кандидатов. Церберы не подумали зажать — хотя бы для приличия — на черносотенные выходы, оскорбляющие кандидатов. Но зато они проявили свою церберскую бдительность в сдирании объявлений о встречах с кандидатами, в набиивании залов проинструктированными выборщиками, в сомнительном подсчете голосов, в непущательстве на выборы представителей прессы и общественности. Церберизированная демократия — это церберократия.

Но было бы нечестно приписывать церберизм только бюрократам, самим себе выставив в sentimentalном образе сенбернаров-пастухов. В наших семьях, магазинах, на улицах все время слышится церберское рычание на до друга, церберский лягз зубов. Все мы искусаны друг другом.

Недавно, опаздывая на выступление, я беззаботно «слонсала» на улице Академика Опарина, у Центра по охране здоровья матери и ребенка, где навещал жену. Мимо промчался, может быть, шпук с полсотни машин, но ни одна даже не замедлила хода. Я встал поперек улицы и сложил руки крест-накрест над головой — знак «SOS». Но машины, теперь уже залезая колесами на тротуар, продолжали объезжать меня. А ведь я стоял напротив больницы — со мной могло случиться нечто страшней, чем опоздание на выступление. Но в ответ на вызывающее о помощи руки только грязь и грязь из-под колес по лицу. И вдруг я подумал: а разве я сам, будучи за рулем, всегда останавливался, видя чью-то вскинутую руку?

Не я ли сам, в другом облике, во множественном числе сидел за рулями автомашин, обдающих грязью мое собственное лицо?

3. ОТКУДА БЕРУТСЯ ЦИННИКИ?

Церберизм — это продукт нашей нравственной невоспитанности. Изначительно воспитанное общество не позволило бы, чтобы церберы, чье место на цепи, сами бы сажали людей на цепи. А воспитание у нас невоспитанное. Главная задача дегерберизации нашего общества — это воспитание самого воспитанника. Подготовку нравственности должна начинаться с воспитанника воспитателя.

Чему может научить учитель, если он сам живет не по тем нравственным законам, которые преподает ученикам? Преподавание нравственности безнравственными людьми — это превращение образования в фабрику, штампуемую циников. Нечего потом влещивать руками в возмущенно негодовать — откуда берется цинизм? Из нашего с вами лона. Никаким «красноречивым западным влиянием» нельзя оправдать массовый цинизм, перед лицом которого мы оказались и ужаснулись, — а не наше ли это с вами лицо, генетически повторенное в лицах наших детей?

Существует шлошная педагогика безнравственности, когда уже растленные учителя из всех сил стараются завербовать на попрание духовного разврата еще чистые души, превращая их в новорастленные, а затем производя из них более «талантливых» учеников будущих учителей-растителей. Педагогика безнравственности чаще всего хочет казаться единственной нравственностью. Разве не педагогика безнравственности — концепция человека, как винтика государственной машины, биванье в голову нерассуждающего казарменного «нава», теория приоритета классовой борьбы над общечеловеческими ценностями? Мы упростили бы сложность проблемы, если бы педагогика безнравственности происходила от злонамеренности педагогов. Но многим из них дилгала преступная «святая простота», преподающая школьникам искусство подбрасывания хвороста в костры еретиков. Последняя канонизация бывших еретиков как святых и превращение бывших святых в злых колдунов привело многих юных к цинизму. Но не будем спешить и возмещаем удивление отделять цинизм от самозащитного подросткового скепсиса. Под таким скепсисом иногда прячется жажда высоких идеалов, смешанная со страхом обмануться в этих идеалах, понапаста на приманку предательства зазывных обещаний. Разве мы, столько раз обманутые бывшие дети, не обманывали своих детей обещаниями «договаривать и переигрывать», «жить при коммунизме» и т. д.? Разве мы не провозгласили огромные благословениями на так называемые великие стройки, где наши дети обирали на морозе коку с ладоней, укладывая взрелклармированные нами «ведьмы будущего», которые первым же летом проваливались в раскисшую, далеко не вечную, как оказалось, мерзлоту? Разве не мы, скомпрометировав преподавание истории, подожгли перемацали центр, где выковылаивалась Победа в Великой Отечественной из сталинского кабинета в точию пребывания на фронте Хрущева, а потом на Мадю Землю? Разве не мы в неблагойной ситуации вырезали Хрущева из исторических кинонадров, где он был снят вместе с вернувшимся из космоса Гагариним? Разве не мы, печатая юбилейные статьи об уничтоженных Сталиним выдающихся деятелей революции, доходили в своем ханжестве до того, что иногда даже не приводили даты их гибели — 1937 год, ибо по такой дате наши дети могли все-таки догадаться, что эти люди не умерли в своей постели? Разве не мы, заботясь о будущем наших детей, а на самом деле его разрушая, учили их держать язык за зубами, не болтать ничего лишнего? А ведь это «лишнее» и была «по-отечески» удушаемая нами из самых лучших

побуждений гласность. Разве не мы отправили наших детей в Афганистан, тусулово приучая нашу родительскую боль, не превращая ее в общественное мнение, которое могло бы спасти наших детей? Разве не мы на глазах у наших детей подменяли вечные идеалы буднично уходящей очередью клиенту идеологий, еще совсем недавно наши дети не давились смехом перед телевизорами, глядя на еле врывающегося чельство дедушку-самонаграждающегося? Но разве не мы заставляли наших отсменившихся вечером детей на следующее утро писать сочинения на тему награжденных Ленинской премией дедушкиных антинаучно-фантастических мемуаров, сфабрикованных высокопоставленными литературными неграми? Мы сами — это же папы Карло, которые выстрагивали из поленьев не маленьких-удаленных Буратино, а циников. Нечего пенять на то, что учителя, по которым мы учили, были плохи.

Учитель, даже трагически лишенный учебником современной истории, сам может быть таким живым учебником для своих учеников. Прекрасно, если правдивым, страшнато, если ложным.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТАКТ — ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Сто с лишним лет назад Толстой заметил в одном из писем: «Я увлексясь все больше и больше изданием книги для образования русских детей. Я изложил слова «для народа», потому что сутью мысли в том, чтобы не было деления: народа и ненарода».

Как видим, величайший русский интеллигент проявлял национальный такт, общественно застенчивость, не считая себя вправе монополизировать патриотизм. Понимать бы национальному такту у Толстого некоторым членом общества «Память» и их литературным вдохновителям! Национальное деление на «народ» и «ненарод» не менее бестактно, чем социальное. Надо прививать национальный такт еще в школе. Вопиющие случаи непереподания национального языка в школе — это оскорбление национального достоинства. Заодно скажу, что бездарное преподавание русского языка — это тоже его унижение. Уважение к родному языку — часть национального достоинства.

Но не менее важно, чем личное и национальное достоинство, — достоинство интернациональное. Человек, превозносил только свой народ, но при этом унижающий другой народ, даже не замечает, что этим роиает и свое личное, и национальное достоинство. Пора принимать самые строгие нравственные и судебные меры к таким, например, оскорбительным выражениям и словечкам, как «русская свинья», «хотландия», «все грузины — торгаша», «жиды», «армяшка», «лужмез». А эти слова мы, к ужасу нашему, слышим иногда и от детей. Великодержавный шовинизм и вместе с тем узкогосударственные национализм, перечеркивающие гигантский позитивный вклад русского народа в мировую историю, однаково относятся к языку общественной культуры. Мы должны спасти чистоту наших языков, красоту наших национальных культур, неповторимость природы наших родных мест, особенности наших обычаев и верований не по-разному, не отлучаясь, не взаимнопротивопоставляясь, а вместе. Нет народа, который фатально обречен быть врагом другому народу на всю историю, даже если между ними когда-то пролилась кровь. Враги у всех народов одинаковы: это войны, стихийные бедствия, тягости ежедневной жизни, взаимное доверие, несвобода, бюрократия. Неужели мало этих общих врагов, чтобы делать врагов друг из друга?

Порой невольным разжигательством страстей служит даже не ненависть, а элементарное отсутствие национального такта. На Днях советской литературы в Абхазии, в старинном селе Члоу, один прозвон да еще и редактор комсомольского журнала ввел да браннул: «Смотрите, сколько знаменитых писателей со всего Советского Союза показало в вазне крошечное абхазское село. Я недавно был в США — разве мыслится там представить, чтобы американские писатели приехали в таком же представительном составе в резервацию к вымирающим индейцам?»

Нехватка национального такта чуть не привела к неприятному конфликту, если бы не врожденный такт абхазских стариков, над сердцами которых вздохнула серебряная газыри.

Национальное достоинство — в обладании национальным тактом. А может быть, национальный такт и есть первый признак интеллигентности?

5. АНТИИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ — ЭТО АНТИНАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Стыдно было видеть на нынешних предвыборных собраниях и вокруг них охотничьи крикливые попытки противопоставить народ интеллигенции.

Наша интеллигенция — многострадальное дитя нашего народа. Наша интеллигенция — защитница народа.

Журнал «Новый мир», возглавлявшийся народным интеллигентом Александром Твардовским, защищал интересы обманутого, поправно русского крестьянства гораздо больше, чем увешанные медалями бессловесные передовики полей, заселявшие в Верховном Совете и послушно голосовавшие за все, что им предлагалось с трибуны.

Натравливание народа на интеллигенцию — это натравливание народа на его защитника. Антиинтеллигентность — это антинародность. Воинствующая антиинтеллигентность сначала в лице старорежимного Победоносцева с его совинными крылами, пересыпанными нафталином, а затем в лице новоруженных победоносцевых, надевших патетические фартики мясников, образующие чужую кровью, отнюдь не стеснялась делить нацию по своему вкусу на народ и на ненарод. После штурмового отлучения от церкви Льва Толстого антиинтеллигентность перешла к массовому отлучению от народа таких выдающихся интеллигентов, как Вавилов, Чаянов, Платонов, Булгаков, Табидзе, Чаренц, Мандельштам, Ахматова, Шостакович, Пастернак, и многих других.

Самое страшное, что в это отлучение была невольно вовлечена и школа. Из воспитательницы интеллигенции ее невольно пытались сделать сообщницей по уничтожению интеллигенции, которое шло вместе с уничтожением талантливейших крестьян, рабочих, красных командиров. Наши университеты и институты сталинская система пыталась превратить из колыбели гражданственности в инкубатор церберизма. Но, к счастью, это удалось не до конца.

Отечественному образованию был нанесен

страшный урон — и физический, ибо в тюрьмах и лагерях погибло множество прекрасных преподавателей и моральный, поскольку оставшиеся в живых преподаватели были обречены на раздробность души между кровавой реальностью и системой преподавания. Практически это было преподавание в лагере.

Однако, несмотря на эти нечеловеческие условия, Карьеры нашего образования, живьем замурованные в лет инструкции, все-таки продолжали совершать подвиг воспитания — в черепе — человеческого. Земной поклон таким учителям за то, что они воспитали в школах будущих спасителей человечества от фашизма, за то, что в кровавые или просто подлые времена не дали погибнуть надеждам на самоспасение нации — на гласность и демократию.

Но рядом с подвижнической педагогической нравственностью и в нашей школе, и в прессе еще живы тенденции педагогической безнравственности, пытающиеся морально дезориентировать наше общество.

Так, например, в восьмом номере «Молодой гвардии» за 1988 год проскальзывает такой цинический пассажик: «...лучше скажут, когда творчество Мандельштама играло значительную роль в литературном процессе? Когда оно доходило до широкой массы народа, отражало его глубокие интересы и чаяния?»

Эта риторическая фигура неожиданно безнравственна потому, что поэзия Мандельштама, замученного в лагерях, была долгое время запрещена и физически не могла «дойти до широкой массы народа».

В 12-м номере журнала «Москва» другой критик также похвал «Определенная часть критики той поры, что для оживления поэтического авантюра нужен авторитетный прелат, уселено «наичинает» фигуру Пастернака...» Разве это не педагогика безнравственности, не антиинтеллигентность, когда снова ничтоже сумяшеся оскорбляют уже не раз незадолго оскорбленного великого поэта? Агрессивная антиинтеллигентность чаще всего исходит от неинтеллигентных.

Не надо прикрывать антиинтеллигентность знаменем с Георгием Победоносцем, направившим лику на змия. На знаменах антиинтеллигентности, похожих на совинные крыла, на самом деле не Георгий Победоносцев, а Победоносцев.

6. СТЫД — ЭТО ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Учитель — это тоже писатель, который пишет не книги, а живых людей. Лучший учитель превращается в массового провозводителя будущих лжецов. Плохих детей, как и плохие книги, нельзя выпускать слишком большим тиражом. Выпуск хороших людей и хороших книг слишком малым тиражом опасен для нравственного генофонда. Все дефициты антигуманистичны, и поэтому неоправдываемы. Но один из самых антигуманистических дефицитов — книжный.

Предположим, я алкаш. Пил, что называется, по-черному, но теперь, так сказать, «в свете решений» желаю просветиться. Имя настоение приобрести за мировой, коза ее задерж, культуре. К Монтеви, извините за выражение, меня волочет К. Л. рошфуко меня неизвестно что припандоривает. Но в книжном магазине дедачат меня на смех поднимают. Одна англопал и говорит: «Ут был один книжка из Анальра — так он мне за Тейр Шардена соболью шкуру выложил. Так что, дялн Красный Нос, сделаю я тебе Монтеви, сжеди ты мне итальянские сапоги сделаешь...» А как я ей сделаю итальянские сапоги, если я, во-первых, не итальянец, а во-вторых, не сапожник? Ну как пройтись в мировой культуре советскому простому алкаголику?

Это, конечно, не единственный пример, но срыв слезы. Между человеком, который был воспитан на «Вечном зове», и человеком, который воспитан на «Лютловане», уже будет нравственная пропасть. «Мы» Замаягина, «1844» Орулла — это учебники антиагитационная. «Один день Ивана Денисовича», «Ивань и судьба», «Кольцовские рассказы», «Нитую маршрут» — это учебники истории. Но до сих пор эти книги трудно достать. Книжный дефицит сегодня — это сердечкастрация будущими великими книж.

Есть идеологическая идея о том, что школьнику даже с несколькими двойками все-таки нужно переводить в следующий класс. Но не разглагольствует ли это экспериментаторство на взрослых номенклатурных дядях, когда они, заслуживая двойки по идеологии, тем не менее переводятся, как в следующий класс, на пожаротушение, или, наоборот, с пожаротушения на идеологию. Номенклатурные личики, куда своими острейшими зубками время от времени ныряет кадровая морская свинья, переполнены застарелыми двоичниками, которые никогда не читали и никогда не прочтут «Братьев Карамазовых».

Борьбу с этой двоичной номенклатурой надо начинать еще со школы, ибо уже там зарождаются эмбриональные гираны, которые могут, если дать им вырасти, задуть еще не окрепшую гласность и демократию своими ореншными ручонками.

Для того чтобы воспитать новое поколение в понимании гласности не как временного дара сверху, а как воздуха, необходимого для естественного развития личности, учитель сам должен быть личностью — т. е. человеком со своим лицом, а не с лицом, как у черточка которого утвердилена Наробором. Для учителей, как для народных судей, не должно быть никакой указки сверху, кроме самой высшей указки — народных интересов и собственной совести.

Никто не принес столько вреда марксизму, сколько это бездарные владыкаторы. В школах и вузах надо читать не касрированную, а полную мировую философию, включая историю религий. Ни в коем случае в технических вузах нельзя изымать курса литературы, искусства. Иначе не будет гармонически развитой интеллигенции. Надо уделить часы по иностранным языкам и не переводить с плохим знанием языков ни из класса в класс, ни с курса на курс. В современном мире человек не владеющий хотя бы одним иностранным языком, как ключиком к остальному миру, не имеет права считать себя полноценным человеком. Надо имеет права считать себя полноценным человеком, а не барьером для обменных поездок на сытые все барьеры для обменных поездок на сытые учителя, школьники, студенты за границей. Новое мышление невозможно без достоинства глобального. Соединение трех достоинств — личного, национального, интернационального — и есть триединное достоинство человека.

Надо учить детей, которые лично не виноваты в ошибках и преступлениях прошлого, мужеству принятия на плечи исторической вины. Если они не почувствуют исторического стыда, то став взрослыми могут повторить те же совершённые в прошлом ошибки и, не дай бог, преступления. Комфортабельное изобогенное ответственности за прошлые переживает в избегание ответственности за настоящее и будущее. Это тоже невоспитанность. В историческом стыде нет стыда. Стыд — это двигатель прогресса. Какое в стране воспитание — такой и народ.

Ег. ЕВТУШЕНКО.

ВОСПИТАНИЯ